

**Переговоры России с западноевропейскими странами накануне и в начальный период работы Брауншвейгского конгресса, январь-июнь 1714 г.
(по материалам РГАДА)**

Научный руководитель – Федосов Дмитрий Геннадьевич

Станков Кирилл Николаевич

Кандидат наук

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

E-mail: stankov11@yandex.ru

Цель работы - основываясь на материалах РГАДА, выявить какие внешнеполитические цели ставило перед собой правительство Петра I в отношениях с ведущими государствами Западной Европы накануне и в начале работы Брауншвейгского конгресса и насколько удачно они были реализованы.

Главной целью русской дипломатии было добиться мира со Швецией и прекратить изнурительную Северную войну. Отсюда вытекали отдельные задачи, которые в ходе межгосударственных переговоров ставил перед собой Петербург. Прежде всего, было необходимо укрепить Северный союз, не допустив сепаратного мира саксонского курфюрста и польского короля Августа II и датского монарха Фредерика IV со Швецией. Кроме того, Петр I стремился расширить ряды своих союзников, присоединив к ним Пруссию и Ганновер. Третьей задачей было добиться возможного посредничества в заключении мира со Стокгольмом императора Священной Римской империи, дабы избежать вмешательства в северные дела гораздо менее благосклонно настроенной в отношении России Франции. Наконец, русские дипломаты стремились нейтрализовать морские державы (Великобританию и Нидерланды), поскольку к 1714 г. сложилась опасная ситуация возможности их вступления в Северную войну на стороне Швеции.

Одной из ведущих задач русской дипломатии было не допустить сепаратного заключения мира со Швецией союзниками - Саксонией-Польшей в лице Августа II Сильного и Данией. Так, в грамоте саксонскому курфюрсту и польскому королю Фридриху Августу II от 10 февраля 1714 г. Петр I писал о своей тревоге по поводу происках шведской дипломатии. В частности, сообщалось, что до русского двора дошли слухи о заключении Польшей сепаратного мира со Стокгольмом. Петр I отмечал два обстоятельства, которые вызывают у него большие подозрения. Во-первых, Фридрих Август II имеет «особу некоторую под именем администратора Голстенского при шведах»#_ftn1. Во-вторых, польский король заключил договор о дружбе с Францией, о чем не уведомил петербургский двор, «также и письменного мемориала не хотел дать, что оной трактат не ко вреду нам»#_ftn2. Петра I беспокоил вопрос о переговорах Августа II с Францией, поскольку ранее Г.-Х. Шлейниц сообщал, что саксонский курфюрст и польский король прочил последнюю в посредники при партикулярном «примирении со Швецией»#_ftn3.

В ответной грамоте Август II заявлял, что представитель, через которого шли переговоры с Швецией - частное лицо, некий «прусок, и из Мариенбурга родом», которого взял сначала в плен, а затем в службу «наш генерал фелтмаршал граф Флеминг». Согласно голословным утверждениям польского короля, эта темная персона не имела никакого отношения к якобы подготовке к сепаратному миру со Швецией, а «сей человек от Гольштейн-Готторпского в посылках употреблен был»#_ftn4.

26 февраля русский посол в Вене А.А. Матвеев сообщал в Петербург, что Август II, которого он называл «злехитрым королем», продолжает свои прошведские интриги, дабы получить от Стокгольма компенсации «за понесенные от Шведа в Саксонии разорения»#_ft

n5. К началу апреля стало известно, что «король польской заподлинно заключил со Шведом трактата, в котором он признан за короля от Шведа»#_ftn6. Между тем, сам Август II всячески отрицал свои тайные переговоры со Стокгольмом и голословно сваливал всю вину на Данию: «все де ссоры происходят от дацкого двора между нами»#_ftn7.

Со своей стороны, Карл XII не хотел и слышать о мирных переговорах с Россией и стремился к продолжению боевых действий. Ввиду этого параллельно Петр I через своих послов вел переговоры с союзниками о совместных действиях против Швеции летом 1714 г. как крайнему средству принудить ее к миру. Так, например, еще зимой 1714 г. в Копенгаген в помощь русскому послу В.Л. Долгорукому был направлен царский эмиссар П.И. Ягужинский. Перед ним была поставлена задача склонить Фредерика IV к более активным боевым действиям против Швеции в военную компанию, планируемую на лето 1714 г. В письме В.Л. Долгорукого Петру I от 13 июня сообщается о предоставлении датчанами нескольких фрегатов, которые должны были поддерживать коммуникацию между флотами союзников. Далее, в случае если шведский флот блокирует выход русских кораблям из Финского залива, предполагалось с датской стороны послать «силой эшквдр в синус финикус [Финский залив - К.С.], который бы мог отбить эшквдр швецкой» и «учинить безопасной выход в море флоту царского величества». В ответ в Копенгагене заявили, что не могут выполнить эту часть операции, «для того что тамо мало воды на большие корабли», и предложили свой вариант: «весь дацкой станет линеею в том месте, которое между Стекхолма и островов Озеля или Даго, и заслонят собою весь проход в море» для судов Карла XII. В конечном счете датская сторона согласилась выполнить это условие, и во главе эскадры, направленной в помощь русскому флоту, был поставлен вице-адмирал Риг, «о котором сказывают, что человек гораздо обыкновенной к морским действиям». Последний должен был указать русскому командованию удобные места на шведском побережье для высадки десанта#_ftn8. Планировалось, что одновременно русские войска начнут активно действовать в Финляндии#_ftn9.

Однако, в конечном счете, все усилия русской дипломатии в целом, и комиссара Ягужинского в частности, склонить Фредерика IV к активным военным действиям пали в туне. В грамоте от 4 июня 1714 г. датский монарх объявлял Петру I, что не может участвовать в военных действиях против Швеции ни на суше, ни на море#_ftn10.

Со стороны России фактически шла речь о восстановлении Северного союза на новой, более расширенной основе. Помимо склонения Дании и Саксонии-Польши, ранее выведенных из войны Карлом XII, Петр I стремился присоединить к антишвецкому альянсу Пруссию и Ганновер. В связи со смертью годом ранее прусского короля Фридриха I Гогенцоллерна (1701-1713) и восшествия на престол его наследника Фридриха-Вильгельма I (1713-1740) русский царь пытался заключить с ним более тесный договор о дружбе. В грамоте от 10 января 1714 г. Петр I расточал любезности новому монарху и подчеркивал давнюю традицию этих отношений#_ftn11. Впрочем, согласно авторитетному мнению С.М. Соловьева, со стороны Пруссии она сводилась лишь к тому, чтобы извлечь из нее больше выгод и ничего не делать для России#_ftn12.

Однако, как следует из несколько более поздней грамоты короля Фридриха-Вильгельма I Петру I от 5 мая 1714 г., дружба с ним оказалась не более выгодной для России, чем с его отцом. В ответ на просьбу царя поддержать Северный союз в войне со Швецией своими сухопутными силами он отговаривался тем, что на них мобилизацию ему нужен целый год, а также дефицитом государственного бюджета#_ftn13.

Более того, весной 1714 г. от русских дипломатов, аккредитованных при европейских дворах, стали поступать тревожные сведения о двойной политике Берлина, а именно, что через Францию шли переговоры Фридриха-Вильгельма I с Карлом XII#_ftn14.

При этом, прусский король всячески отговаривался, утверждая: «Я противу вас и

союзников ваших в сей войне ничего противного предпринимать не буду»#_ftn15. Чуть позднее канцлер Г.И. Головкин сообщал, что Фридрих-Вильгельм I «особливо в деле голштинском против короля дацкого ничего неприятелски ни под каким образом чинить не будет»#_ftn16. В этих условиях важнейшей задачей русской дипломатии было оторвать возможного союзника от столь опасной военной и политической комбинации, которую еще и поддерживали европейские державы.

Для этого предпринимались не только дипломатические, но и сугубо военные меры. Так, Россия поставляла солдат и оружие прусской армии. Например, Г.И. Головкин сообщал 18 января русскому послу в Берлине А.Г. Головкину: «Салдаты 80 человек, королю прусскому обещанные, и ружье на целый полк отправятся отсюда в скором времени»#_ftn17. В конце марта в Пруссию должны были быть направлены в качестве «вспомогания» амуниция и артиллерия#_ftn18.

Помимо Пруссии также велись переговоры и с Ганновером. Курфюрст Георг I (1698-1727), как и многие другие северогерманские князья, желал изгнания шведов из Империи и был готов присоединиться к Северному союзу. Естественно, что помимо недовольства давним продвижением Швеции на юг он имел и конкретные территориальные интересы. Ганноверу для своего развития был жизненно необходим выход к Северному морю. Для этого требовалось приобрести герцогства Верден и Бремен, переговоры о чем активно велись с Петербургом, так как Россия была единственной силой на международной арене, которая могла гарантировать сохранение за курфюрстом этих земель после окончания Северной войны. Примечательно, что переговоры с Ганновером Петр I вел не непосредственно с Георгом I, а через его мать - вдовствующую «курфюстине Софию Ганноверскую»#_ftn19, с которой был лично знаком еще со времени Великого посольства. Очевидно, царь пытался использовать в этом случае свои старые политические связи.

Как указывалось выше, третьей задачей русской дипломатии было добиться посредничества Священной Римской империи в деле примирения со Швецией. На императора Карла VI Габсбурга (1711-1740) в Петербурге возлагали большие надежды, в особенности в том случае, что если Стокгольм откажется от мирных переговоров, император своей властью «и без соизволения Швециию северном мире согласитца и оной мир купно с северными союзники противу Швеции, когда она принять тот мир не похочет, содержать изволит»#_ftn20.

Петр I планировал заключить с Карлом VI военный оборонительный договор против Швеции, надеясь использовать вооруженные силы Австрии. В Вене заявляли о готовности заключить подобный договор#_ftn21, однако император, опасаясь осложнений с империей, которые могли возникнуть в случае, если он открыто вступит в Северную войну на стороне России, всячески отговаривался#_ftn22.

Четвертой задачей русской дипломатии была нейтрализация морских держав - Великобритании и Нидерландов, которые были намерены оказать военную помощь Швеции в Северной войне. В Лондоне и Гааге опасались, что в случае полного разгрома армии и флота короля Карла XII Россия может чрезвычайно усилиться и станет представлять угрозу их внешнеполитическим и торговым интересам. В частности, лорд У. Стаффорд угрожал в случае, если русские войска войдут в Стокгольм и Россия с Данией разделит Шведскую территорию между собой, послать в «Балтийское море» сильную морскую эскадру для действий против союзников. К этой операции британская дипломатия пыталась привлечь также Францию и Нидерланды#_ftn23.

Помимо угроз применения открытой военной силы официальный Лондон использовал и дипломатические меры давления на Россию. Представители британского правительства заявляли, что они не против заключения русско-шведского мирного договора, но прежде между воюющими сторонами должно быть подписано перемирие. Однако Б.И. Куракин

справедливо полагал, что за этим требованием скрывается попытка дать передышку Карлу XII, чтобы он с новой силой мог обрушиться на Северный союз#_ftn24. Кроме того, британская дипломатия делала все, чтобы по итогам мирных переговоров Россия могла рассчитывать не более чем на получение Нарвы и Выборга#_ftn25.

Со своей стороны, Петр I всячески уверял правительства Великобритании и Нидерландов, что его целью является не полное «разорение Швеции», а лишь склонение ее к скорейшему заключению мира. Русский царь писал льстивые послания британской королеве Анне Стюарт (1702-1714)#_ftn26, надеясь удержать ее от военных действий, и угрожал Генеральным Штатам, что в случае, если их флот присоединится к британской эскадре, которую в Уайтхолле собирались направить в Балтийское море, то неминуемо столкнется с русскими военными кораблями#_ftn27.

Еще один довод российского монарха заключался в том, что он напоминал и королеве Анне, и Генеральным Штатам, что в Войне за испанское наследство (1701-1714 гг.) Петербург поддерживал дружественные отношения как с Великобританией, так и с Нидерландами и не оказал помощь Франции. В связи с этим, Петр I надеялся, что и союзники по антифранцузской коалиции ответят нейтралитетом в военном конфликте России со Швецией#_ftn28. Помимо дипломатии русское правительство использовало также методы экономического давления. В частности, существовали планы реквизиции приходящих в русские порты голландских судов вместе с товаром, что нанесло бы непоправимый урон внешней торговле Нидерландов#_ftn29.

Таким образом, как следует из анализа материалов РГАДА в целом в первой пол. 1714 г. русская дипломатия действовала относительно успешно. Она активно противодействовала попыткам Дании и Саксонии-Польши добиться сепаратного мира со Швецией. Фактически шла речь о восстановлении Северного союза и его расширении за счет включения Пруссии и Ганновера. Впрочем, последние отказались от прямого участия в войне с Карлом XII. Кроме того, Россия добилась благосклонности Священной Римской империи, которая была готова на заключение оборонительного военного договора, но опасалась быть втянута в вооруженный конфликт на Севере. Петр I его сподвижники всячески противодействовали вовлечению в борьбу со Швецией мощных морских держав - Великобритании и Нидерландов.

#_ftnref1 Грамота Петра I польскому королю Августу II, 10 февраля 1714 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1 (1714 г.). № 1. Л. 13-14.

#_ftnref2 Там же.

#_ftnref3 Там же. Л. 19-22.

#_ftnref4 Грамота Августа II Петру I, 31 марта 1714 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1 (1714 г.). № 2. Л. 13-20об.

#_ftnref5 Письмо А.А. Матвеева Г.И. Головкину, 26 февраля 1714 г. // РГАДА. Ф. 32. Оп. 1 (1714 г.). № 5. Л. 117-118.

#_ftnref6 Письмо Г.И. Головкина А.Г. Головкину, 10 апреля 1714 г. // РГАДА. Ф. 74. Оп. 1 (1714 г.). № 3. Л. 28об.-31об.

#_ftnref7 Письмо А.И. Дашкова Г.И. Головкину, 24 марта 1714 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1 (1714 г.). № 8. Л. 58-59об.

#_ftnref8 Письмо В.Л. Долгорукова Петру I, 13 июня 1714 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. № 20. Л. 335(320)-342(327).

#_ftnref9 Письмо А.А. Матвеева Г.И. Головкину, 5 мая 1714 г. // РГАДА. Ф. 32. Оп. 1 (1714 г.). № 5. Л. 521-526об.

#_ftnref10 Грамота датского короля Фредерика IV Петру I, 4 июня 1714 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 4. № 26. Л. 1-5.

#_ftnref11 Там же.

- #_ftnref12 Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 9. Т. 17. С. 13-14.
- #_ftnref13 Грамота прусского короля Фридриха-Вильгельма I Петру I, 5 мая 1714 г. // РГАДА. Ф. 74. Оп. 3. № 66. Л. 2-3.
- #_ftnref14 Письмо А.Г. Головкина Г.И. Головкину, 6 марта 1714 г. // РГАДА. Ф. 74. Оп. 1 (1714 г.). № 5. Л. 104-106об.
- #_ftnref15 Грамота прусского короля Фридриха-Вильгельма I Петру I, 13 января 1714 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1 (1714 г.) № 3. Л. 101-102об.
- #_ftnref16 Письмо Г.И. Головкина А.Г. Головкину, 18 января 1714 г. // РГАДА. Ф. 74. Оп. 1 (1714 г.). № 3. Л. 2-5.
- #_ftnref17 Там же.
- #_ftnref18 Письмо А.И. Дашкова Г.И. Головкину, 30 марта 1714 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1 (1714 г.). № 8. Л. 66-69об.
- #_ftnref19 Грамота Петра I ганноверской курфюрстофине Софии, 15 января 1714 г. // РГАДА. Ф. 47. Оп. 1 (1714 г.). № 3. Л. 1-1об.
- #_ftnref20 Письмо Г.И. Головкина А.Г. Головкину, 10 апреля 1714 г. // РГАДА. Ф. 74. Оп. 1 (1714 г.). № 3. Л. 28об.-31об.
- #_ftnref21 Протокол конференции между А.А. Матвеевым и царскими уполномоченными министрами, 17 марта 1714 г. // РГАДА. Ф. 32. Оп. 1 (1714 г.). № 5. Л. 300-303об.
- #_ftnref22 Письмо Б.И. Куракина Г.И. Головкину, 2 апреля 1714 г. // РГАДА. Ф. 50. Оп. 1 (1714 г.). № 5. Л. 226-229об.; Письмо А.А. Матвеева Г.И. Головкину, 24 апреля 1714 г. // РГАДА. Ф. 32. Оп. 1 (1714 г.). № 5. Л. 471-478.
- #_ftnref23 Письмо Б.И. Куракина Г.И. Головкина, 11 мая 1714 г. // РГАДА. Ф. 50. Оп. 1 (1714 г.). № 5. Л. 266-270.
- #_ftnref24 Там же.
- #_ftnref25 Письмо Б.И. Куракина Г.И. Головкину, 25 мая 1714 г. // РГАДА. Ф. 50. Оп. 1 (1714 г.). № 5. Л. 278-281об.
- #_ftnref26 Грамота Петра I британской королеве Анне, 28 февраля 1714 г. // РГАДА. Ф. 35. Оп. 1 (1714 г.). № 380. Л. 8-8об.
- #_ftnref27 Грамота Петра I Голландским Штатам, 24 января 1714 г. // РГАДА. Ф. 50. Оп. 1 (1714 г.). № 1. Л. 2-3об.
- #_ftnref28 Грамота Петра I Голландским Штатам, 24 января 1714 г. (первая) // РГАДА. Ф. 50. Оп. 1(1714г.). № 1. Л. 1-1об.; Грамота Петра I Голландским Штатам, 24 января 1714 г. (вторая) // там же. Л. 2-3об.
- #_ftnref29 Экстракт из письма Б.И. Куракина, подготовленный в Посольской канцелярии, 26 февраля 1714 г. // РГАДА. Ф. 50. Оп. 1 (1714 г.). № 3. Л. 47-49.